

Жон вздрогнул, когда резкий свет просочился сквозь его веки и медленно привел его в сознание.

— Угх... — Простонал Жон, когда десятки ран дали о себе знать.

Он все еще помнил, что именно произошло. Его Аура окончательно разрушилась, когда он находился в пасти Алдуина, и без защиты он был раздавлен, когда активировалось заклинание телепортации. Последнее, что он помнил перед тем, как потерять сознание, было падение, падение в пустоту...

Жон моргнул, затем его веки распахнулись, и он резко сел.

Его тело дало понять, что оно не согласно с его действиями, и он вздрогнул от резкой боли, пронзившей все тело.

По крайней мере, он все еще мог двигаться. И, по крайней мере, он не истекал кровью. Похоже, его аура немного восстановилась и работала сверхурочно, чтобы залечить раны, пока он был в отключке.

Оглядевшись, он быстро понял, что не может узнать свое окружение.

Совсем.

Он оказался в каком-то разрушенном здании, крыша которого была проломлена, открывая его полуденному солнцу.

На мгновение он подумал, не потерпел ли он неудачу, не находится ли он в руинах города, разрушенного Алдуином, но потом разум возобладал. Он отослал Алдуина прочь и увидел, как пламя сгущается вокруг них.

Кроме того, здание, похоже, было из бетона.

Здания в Скайриме обычно были либо деревянными, либо каменными.

— Только не говори мне, что я снова умер. — Простонал Жон, потирая виски. Это должно было быть его Проявление? Просыпаться в незнакомом месте каждый раз, когда его убивал дракон?

Он не смог сдержаться: из его горла вырвался смех, несмотря на незнакомое окружение, состояние тела и серьезность ситуации. Не может быть, чтобы это было его Проявление! Даже воображение такого Проявления вызвало у него приступ хихиканья.

Однако по мере того, как его разум осмысливал ситуацию, он постепенно утихал. Он действительно умер.

Снова.

При обстоятельствах, удивительно похожих на предыдущие.

В тишине он надеялся, что им удалось остановить Алдуина и не дать ему больше сеять хаос. Он верил в Янг; может, она и не была так искусна, как Пирра, но с лихвой компенсировала это своей необработанной силой, хреновым драконьим голосом и готовностью убивать. Его беспокоила способность использовать заклинание Сераны...

Жону пришло на ум обещание, данное Янг. О, она не обрадуется; он ведь обещал вернуться

невредимым, не так ли? Они строили планы, как после победы над Алдуином...

Нахлынули воспоминания.

Приключения в новом мире с буйной светловолосой варваршей и вампиром с испорченной семьей, и спасение его от угроз.

Много раз.

И один или два раза случайно чуть не испортили его.

О сражениях с драконами, медведями, троллями и всякой живностью и нежитью по всей земле.

О том, как их выгоняли из заведений после пьяных драк (в основном Янг).

О холодных ночах, проведенных у теплого костра, прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

Видеть выражения лиц людей, их восторг и облегчение, когда они помогали им, решали за них их проблемы, давали им понять, что даже в хаотические времена все еще есть люди, готовые пройти лишнюю милю, чтобы помочь другим.

Скайрим мог быть суровым и диким, но он, честно говоря, постепенно привыкал к своему новому дому, постепенно привязывался к нему.

А теперь его не было.

Теперь они по-прежнему приходили толпами.

Он вспомнил свою первую смерть, борьбу с драконом Гримм и Синдер Фолл.

Он вспомнил надежду, которую испытал, увидев Руби, Вайсс и Пирру, когда они ворвались в кабинет Озпина, а затем страх.

Отчаяние, которое он почувствовал, когда впервые попытался задержать Синдер.

Решимость, отказ позволить своей напарнице пожертвовать собой, когда он толкнул ее в ракетный шкафчик, прежде чем броситься в часовую башню.

Тоскливое чувство, когда они поняли, что Синдер убила Озпина.

Хаос в Колизее Согласия, борьба с Атласскими роботами, Гримм и Буллхедами, полными Белого Клыка.

Гордость, когда они очищали сцену за сценой на фестивале в Витале.

У Жона перехватило горло, а глаза стали горячими.

Он возглавлял свою команду.

Обучался у Пирры, во время их совместных частных уроков.

Развлекался со своими друзьями.

Помощь Пирре испытать «нормальные девчачьи штучки», такие как обычные походы за

одеждой, совместный просмотр фильмов и совместные ужины.

Сдерживание энергии Норы.

Тихие моменты с Реном, наслаждающимся чаем.

Обсуждение видеоигр и комиксов с Руби.

Попытки ухаживать за Вайсс.

Инициация.

Укачивание.

Бегство от семьи.

Единственный мальчик и младший из восьми сестер.

Играет со своей старшей близняшкой Джоан.

Когда его таскает за собой по улице сорванец Арк, Джейн.

Бегство в ужасе от близнецов, Джин и Жанны.

Насильно получает уроки от Джесс.

Подшучивания над Джен.

О нем заботиться Сафрон.

Слезы капали медленно, окрашивая сухой бетон под ним, когда Жон всхлипывал, размышляя обо всем, что он потерял, обо всем, с чем ему пришлось попрощаться.

Он уже знал, что не все истории имеют счастливый конец. Не все герои возвращаются домой, и не у всех есть счастливая судьба.

И он не жалел, не мог жалеть о своих поступках, обо всем, что он сделал, несмотря на то, как все обернулось.

Он просто... он просто надеялся, что все это того стоило, как для людей, которых он оставил позади, так и для него самого.

Он просто надеялся, что его друзья преуспели, что его смерть не была напрасной.

А он оказался потерянным, одиноким, растерянным.

Что теперь?

Что дальше?

В чем вообще был смысл?

Крик наполнил воздух, доносясь откуда-то снаружи.

Он тут же вскочил на ноги, стряхивая с себя тоскливое настроение.

Как сказала ему Янг, не имело значения, где он находится.

Людям все еще нужна помощь.

Он все еще мог быть героем.

Конечно, он уже не был таким наивным, как раньше. Он понимал, что вполне возможно, что это ловушка, что тот, кто кричал, был просто приманкой.

Но это не имело значения. Он не собирался рисковать, оставляя кого-то в опасности только потому, что это может быть опасно.

Его клинок из драконьей кости лежал на земле рядом с ним. Хорошо. По крайней мере, на этот раз он не начинал совершенно беззащитным.

Быстро схватив его, он выскочил из здания, готовый ко всему, что может подкинуть ему новый мир.

«ВХОД В УБЕЖИЩЕ 101, СТОЛИЧНАЯ ПУСТОШЬ, 10:05 УТРА, 17 АВГУСТА 2277 ГОДА»

Руби «Роуз» Айронвуд сидела на краю обрыва, безучастно глядя на утреннее солнце, падающее на разрушенный город под ней — первый вид внешнего мира в ее жизни, — и размышляла о том, как ее жизнь пошла так ужасно неправильно.

Чуть больше часа назад ее разбудила подруга детства Амата, и она сразу решила, что проспала и опоздает на смену оператора прачечной (и слава богу, что мистер Бротч разрешил ей изменить свои ответы в тесте на профессиональную пригодность! По первоначальным ответам она должна была стать следующим капелланом убежища).

Вместо этого, в отличие от всех предыдущих дней, Амата пришла к ней с ужасной новостью. Произошло нашествие тараканов. Ее отец, Джеймс, ушел, сбежал из Убежища. А отец Аматы, Смотритель Убежища, был в ярости.

Его люди уже убили Джонаса, ее почетного дядю, помощника отца, человека, который научил ее всему, что она знала о технологиях, который был рядом, когда она впервые выстрелила из пневматического ружья.

А теперь ее разыскивала служба безопасности убежища, думая, что она могла знать, что Джеймс собирался сбежать.

Тот факт, что Руби ничего не знала, вероятно, будет удобно проигнорирован перед лицом необходимости найти козла отпущения.

Амата, рассчитывая на то, что Служба безопасности не будет слишком сурова к дочери Смотрителя, сбежала с украденным 10-миллиметровым пистолетом и добралась до комнаты Руби как раз перед тем, как это сделали люди Смотрителя, чтобы предупредить свою подругу детства, сказать Руби, что она должна уйти, сбежать из Убежища и последовать за Джеймсом.

Руби была бы тронута этим жестом, но ее больше потряс тот факт, что ее отец действительно покинул убежище, Джонас действительно мертв, а отец ее подруги действительно хочет ее смерти. Все, что она смогла сделать, это оцепенело принять предложенный украденный пистолет и последовать совету Аматы бежать.

Когда она вышла из комнаты, ее сразу же заметил охранник, в котором она узнала офицера Кендалла, но полдюжины тараканов набросились на него, прежде чем он успел встретиться с ней.

Она пыталась помочь ему; ей было все равно, что он приказал привести ее сюда, она знала его всю свою жизнь. Но все, что у нее было, это заряженный пистолет, которым она никогда раньше не пользовалась, слишком мощный, чтобы использовать его против гигантских насекомых, и голые кулаки. К тому времени, как она успела их отдернуть, они уже разорвали ему горло.

Все, что она могла сделать, это извиниться перед бывшим офицером, человеком, которого она знала как жесткого и бесцеремонного, но дружелюбного и доброго, за то, что не смогла спасти его, потому как она взяла его дубинку и отомстила за него.

После того, как она раздавила тараканов, но не успела убежать, в коридор внезапно ворвался парикмахер убежища (и лидер небольшой банды под названием «Туннельные змеи», а также ее детский хулиган) Бутч Делория.

На мгновение она замерла, думая, как, черт возьми, объяснить, что она стоит над трупом офицера Кендалла с его оружием.

К счастью, Бутч никогда не был таким умным, и он определенно не был в курсе событий. Все, что он увидел, это слабачку Руби, стоящую над телом крутого парня в окружении мертвых тараканов, и предположил, что она пыталась помочь Кендаллу, пока он разбирался с нашествием тараканов.

Она согласилась с этим. В основном это была правда, и она говорила гораздо лучше, чем чувствовала. Кроме того, ей не очень нравилось разговаривать с Бутчем.

Она была удивлена, когда он умолял ее о помощи. Очевидно, говоря прямо, его мать была слишком пьяна, чтобы убежать, когда тараканы ворвались в его комнату, а он был слишком напуган, чтобы спасти ее.

Руби, услышав все это, задумалась, почему она боялась Бутча.

На мгновение она заколебалась. Бутч был придурком, и так было всю ее жизнь. И ей нужно было выбраться, сбежать из убежища, пока охрана не поймала ее. Комната ДеЛориасов находилась в другом конце жилых помещений, в направлении, противоположном тому, куда ей нужно было идти, если она пыталась добраться до выхода.

Но Джеймс всегда был врачом по призванию, и он всегда учил ее, что их долг — помогать тем, кто в этом нуждается. То, что он сбежал и оставил ее позади, то, что его не было рядом, не означало, что она может разочаровать его или свою умершую мать.

Ее воспитывали лучше.

Поэтому, с большой неохотой, она согласилась пойти в обход, чтобы спасти миссис Делорию от гигантских тараканов, и помчалась по коридору к Делориям.

Когда она пришла туда, три таракана в комнате еще не добрались до матери Бутча.

На полу валялось столько пустых бутылок из-под водки, что им было трудно сориентироваться.

Не колеблясь, она вытащила пистолет, сняла его с предохранителя и наклонилась вперед, тщательно прицеливаясь.

До этого момента она стреляла только из пневматического ружья. Теперь, конечно, она много стреляла из него на их самодельном стрельбище, а свободное время посвящала изучению оружия. Она знала, что 10-миллиметровый пистолет N99 первоначально был стандартным обычным оружием вооруженных сил Соединенных Штатов еще до окончания Великой войны. Она знала, что они были легендарны своей надежностью и простотой ремонта. Она знала, что стандартные магазины, используемые службой безопасности убежища, рассчитаны максимум на 12 патронов. Она также знала, что 10-миллиметровый патрон намного прочнее любой пули калибра ВВ, которой она стреляла из пневматической винтовки.

Несмотря на это, первый же выстрел чуть не опрокинул ее на задницу от неожиданной отдачи, и только благодаря удаче она не промахнулась.

Мощная пуля легко пробила панцирь таракана, убив его.

Громкий звонкий звук, эхом прокатившийся по маленькой комнате, почти оглушил ее. Это, конечно, причинило ей боль и дезориентировало ее.

К счастью (в очередной раз), шум отпугнул тараканов (и почему-то не разбудил спящую миссис Делорию), и они быстро скрылись в вентиляционных отверстиях, спасаясь от страшного человека.

Буч поблагодарил ее, назвал своим героем и отдал ей свою куртку, когда она вышла с его еще живой матерью.

Однако она не стала задерживаться, чтобы дослушать до конца, уже спеша обратно к входу в жилые помещения, а затем выскочила из них и направилась в Атриум.

Ее путь в Атриум показал, насколько ухудшилась ситуация, пока она спала.

Проходя мимо закуской, где она отмечала свой десятый день рождения, она обнаружила дюжину тараканов, пожирающих тело старушки Тейлор. Она не могла отомстить за нее: у нее не было ни времени, ни патронов для такого количества насекомых.

Поднимаясь по лестнице из закуской, она столкнулась лоб в лоб с охранником Службы Безопасности Убежища, и она инстинктивно подняла на него пистолет, хотя ее руки дрожали при мысли о том, что придется стрелять в другого человека.

К счастью (опять же), охранником, встретившим ее, оказался офицер Гомес, отец Фредди. Хороший полицейский по сравнению с плохим охранником из Службы Безопасности, он сразу же поднял руки и успокаивающе заговорил с ней, сказав: — Подожди, мисси! Я просто хочу поговорить с тобой минутку!

Руби не опустила прицел, вспомнив, что, по словам Аматы, случилось с Джонасом, но и не нажала на курок.

Офицер Гомес сказал ей, что ей повезло, что она столкнулась с ним, а не с другими сотрудниками Службы Безопасности, что он понятия не имеет, что происходит, но что ей нужно бежать. Он бы с радостью сделал вид, что не заметил ее; ему нужно было разобраться с нашествием тараканов, обеспечить безопасность и защиту Убежища.

Она не смогла удержаться, чтобы не указать ему на то, что он работает на маньяка-убийцу и что они убили Джонаса.

Он вздохнул и признал, что да, он действительно работал на Смотрителя, но не участвовал в убийстве Джонаса. Он прибыл туда только для того, чтобы увидеть последствия, и это вызвало у него отвращение.

Прежде чем Руби успела что-то ответить или сказать, они услышали звук чего-то сгорающего, а затем множество стрекочущих звуков. Тогда Гомес толкнул ее, велел бежать в Атриум, а сам пошел проверить.

Перед тем как убежать, она рассказала ему о старушке Тейлор в закускойной и о ДеЛориасах, которые все еще находятся в жилом корпусе, и пожелала удачи. Он мрачно ответил жестом на жест.

Атриум, однако, стал вторым самым страшным сюрпризом ее побега.

Когда она наконец вошла в Атриум, то увидела, что двое других обитателей убежища, Том и Мэри Холден, тоже раздумывают о побеге. Том, несмотря на протесты Мэри, побежал по коридору к выходу. Затем из коридора раздалась стрельба, и тело Тома упало на пол, истекая кровью. Мэри окликнула мужа и бросилась к его телу, но тут раздался новый выстрел, и она тоже рухнула безжизненной грудой.

Руби все еще не могла поверить в это, поверить в то, что люди Смотрителя вот так просто застрелили двух невинных людей. Не приказав им отступить, не поговорив с ними, не предупредив. Просто пули, в людей, которых они знали всю свою жизнь.

Все последующее было для Руби как в тумане: она бежала по коридорам убежища, когда-то таким уютным и знакомым, а теперь клаустрофобным и угрожающим; каждая тень — потенциальный враг, каждый угол — возможная засада. Даже когда она проходила мимо тела Джонаса, почти неузнаваемого после того, как они жестоко с ним расправились, она не смогла выдавить из себя ни слезинки по своему почетному дяде; настолько она была сосредоточена на побеге, на том, чтобы избежать ужасов, которые ей довелось пережить.

Коридор от Атриума до дверей убежища охранялся, и она никак не могла обойти двух вооруженных охранников. Но Амата как-то сказала ей, что узнала о туннеле от кабинета ее отца до дверей — тайном проходе для побега.

Тогда планы изменились: пробраться в кабинет маньяка-убийцы, приказавшего ее казнить, взломать его компьютер, чтобы получить доступ к секретному туннелю, а затем последовать за отцом из Убежища, в котором она провела всю свою жизнь. Что могло пойти не так?

Офис Смотрителя не был пуст, когда она пришла туда.

Там находились Смотритель, офицер Мак и Амата.

И Смотритель позволял ему допрашивать Амату. Его собственную дочь.

Она ворвалась, направив пистолет на Смотрителя, и кричала, чтобы все остановились.

Офицер Мак не подчинился, а сразу же потянулся за своим оружием.

Она еще раз крикнула ему, чтобы он замер, направив на него пистолет.

Его рука коснулась приклада пистолета, и пальцы сомкнулись вокруг рукоятки.

Она нажала на курок.

Руби, Амата и Смотритель молча смотрели на тело офицера Мака, застыв в шоке, не в силах осознать тот факт, что Руби действительно нажала на курок.

После этого все, что она могла сделать, это продолжать. Она направила пистолет на Смотрителя, приказала ему не двигаться и велела Амате открыть эвакуационный туннель.

Пара только подчинилась, и Руби отступила по туннелям, продолжая направлять на них пистолет, даже когда пробиралась к дверям.

Она дошла до большой бронированной двери Убежища и подключила к ней свой Пип-Бой, разблокировав кнопку, чтобы открыть ее.

С шипением вырвался пар, и Амата вышла из туннеля как раз вовремя, чтобы присоединиться к ней и посмотреть, как большой гидравлический рычаг опускается вниз, прежде чем его кончик вошел в порт на гигантской двери, похожей на шестеренку. Рычаг зафиксировался на двери и втянулся, потянув дверь назад, а затем отсоединился от двери убежища. Затем дверь убежища просто откатилась в сторону, открыв за собой пещеру.

Это было все. Внешний мир.

Амата, все еще явно потрясенная допросом и последующей смертью офицера Мака, спросила ее, что она собирается делать дальше.

Руби не успела ответить, как из коридора, ведущего в Атриум, послышались шаги.

Все, что она успела сделать, — это попрощаться, прежде чем убежать в толщу камня и земли, прочь от единственного мира, который она когда-либо знала.

В конце концов, путь привел к простой двери, а за ней...

Руби тихо плакала, все еще не в силах осознать, что, черт возьми, только что произошло.

— Папа... почему ты должен был уйти? — Руби не могла не прошептать, спрашивая у неба над головой. — И почему ты мне ничего не сказал?

Она чувствовала себя потерянной, растерянной, одинокой... испуганной. Она ничего не знала о жизни за пределами Убежища! Она понятия не имела, куда идти, что делать... черт, да она даже с трудом могла общаться с другими обитателями Убежища! Как она должна была справиться со знакомством с людьми здесь? Что, если они окажутся дикарями? Каннибалами? Дикарями-каннибалами?!

Но в то же время... она не могла просто сидеть здесь, на солнце, глядя на камни и руины. У нее не было ничего, кроме комбинезона Убежища, пистолета и десяти патронов! У нее не было даже еды или фляги, ради всего святого! Где она должна была найти чистую воду в облученных руинах?!

Когда Руби медленно поднялась на ноги, она вспомнила совет отца о профессиональной отрешенности.

Она отделила свои эмоции и изолировала себя от них. Все воспоминания, вся боль, все потери

последнего часа... будет время погоревать позже. А пока, если она хотела, чтобы это было потом, у нее была работа.

Сначала она должна выжить.

Встав, она начала спускаться вниз, пробираясь к разрушенному городу под ней.

Она не знала, осталось ли здесь что-нибудь после двухсот лет, но порыться здесь было лучшей возможностью найти пропитание и убежище.

Это заняло у нее некоторое время: несколько домов все еще были заперты, а у нее не хватало ни сил, чтобы выломать двери, ни навыков, необходимых для взлома замков. Кроме того, она не знала, живет ли там кто-нибудь еще, а ей не хотелось быть грубой. Но наконец, после нескольких часов тихого пробирания через город, планомерно очищая его здание за зданием, у нее было несколько бутылок воды неизвестной чистоты, несколько вековых закусок, рюкзак, набедренная кобура для пистолета и несколько запасных патронов. Она не знала, выстрелят ли они, честно говоря, после двух столетий воздействия, но пока держала их в кармане.

Теперь перед ней встала дилемма: в каком направлении ей идти? На север? На юг? На восток? Убежище находилось в холме на западе, но может быть, за ним были какие-то другие признаки жизни? Если бы только у нее была карта!

Ее внимание привлекло какое-то движение, и она повернулась к нему.

Там, на севере! В развалинах школы она смогла разглядеть несколько человекоподобных фигур!

Сохранилось ли человечество за последние двести лет вне Убежищ? Она не знала, как и не знала, были ли они дружелюбны.

И вот, она исследовала их, идя легкой походкой по направлению к школе в нескольких сотнях ярдов от нее, наблюдая за ней.

К сожалению, она была не так скрытна, как хотелось бы, а обитатели школы выживали в Пустоши десятилетиями.

Первым предупреждением о том, что ее заметили, было то, что в ее сторону начали лететь пули, ударяясь о землю вокруг нее.

Она ничего не могла поделать, закричала от ужаса и побежала обратно к городу на юге, надеясь затеряться в зданиях.

Рейдеры, разбившие лагерь в Спрингфилд Элементарн, бросились в погоню. Более здравомыслящие из них, те, кто еще сохранил рассудок, знали, сколько работоторговцы из Парадиз-Фоллс готовы заплатить за молодую и чистую девушку.

Менее здравомыслящие, под воздействием джета и других наркотиков, просто наслаждались азартом погони, а может, хотели большего.

Каковы бы ни были их намерения, Руби не знала и не заботилась об этом, но она сильно сомневалась, что они были хорошими, учитывая, что они начали переговоры, стреляя в нее.

Однако когда она завернула за угол разбомбленного запертого жилого комплекса, крича при

этом о помощи, то краем глаза заметила движение где-то над головой.

Первый рейдер, обогнувший угол вслед за Руби, был слишком высок, чтобы заметить его, пока бронированный сапог не врезался ему в грудь, пробив ее.

Фигура, тело которой было обтянуто рваной кожей и покрыто кусками доспехов, которые Руби могла описать только как средневековые, с большим мечом и щитом, оглядела ее, а затем обратила свое внимание на преследовавшую ее группу, которая была на мгновение ошеломлена его внезапным появлением.

Впрочем, это длилось недолго: налетчики набросились на него все вместе, их уверенность подкреплялась их численностью.

Она услышала, как фигура вздохнула, а затем легко подняла меч и щит.

Вопреки всей логике и здравому смыслу Руби, металлический щит легко выдержал выстрелы рейдеров в фигуру. Она видела, как пули падали на землю перед щитом, сплющиваясь от удара, но щит даже не шелохнулся и не помялся.

Один из них замахнулся на него трубой, но меч фигуры перерубил свинец пополам, и удар пришелся прямо в грудь фигуры, мимо трубы.

Руби могла только смотреть в благоговейном ужасе.

«Сражение» между фигурой и рейдерами было бы правильнее назвать односторонней резней. В течение тридцати секунд группа рейдеров лежала на полу, мертвая или умирающая.

Жон не стал убирать в ножны ни щит, ни меч, повернувшись к черноволосой девушке в синем комбинезоне. Он не знал, есть ли еще враги, и не знал, была ли девушка дружелюбна. Конечно, она убегала от вооруженной толпы и не пыталась ударить его в спину, но это могло означать, что в ее интересах было дать им умереть первыми.

Кроме того, он не хотел ее пугать. Кем бы она ни была, она определенно знала больше о том, где он находится, чем он сам.

Вместо этого, держа оружие низко направленным, подальше от девушки (которая показалась ему странно знакомой, хотя он не мог определить, откуда именно), он осторожно приблизился к ней, наблюдая за любыми признаками резких движений. Он заметил пистолет в кобуре у нее на боку, но она не доставала его. Наконец, оказавшись в двух шагах от девушки, Жон опустился на колени, посмотрел ей в глаза и протянул руку, медленно произнеся: — Хей... Я Жон.

Руби моргнула, так как ее мысли пронеслись в голове. С ней разговаривал очень крутой варвар! На английском! Неужели рукопожатия все еще в ходу? Как правильно поблагодарить человека за спасение жизни в постапокалиптической пустоши?

К несчастью для нее, пока ее разум пытался понять, что делать, ее тело отреагировало первым. Запах крови и внутренностей первым ударил ей в нос, вызвав воспоминания об офицере Маке, о Джонасе, о застреленных Холденах, о старушке Тейлор и офицере Кендалле.

Она ничего не могла с собой поделать.

После нескольких часов сдерживания, она позеленела и сложилась вдвое, прежде чем ее

внезапно и яростно вырвало на его ботинки.

***

Примечание автора: Фея сюжета никогда не опаздывает и никогда не приходит рано. Она приходит точно в назначенное время. К сожалению для меня, однако...

...как, черт возьми, я выпустил 9 глав за 2 недели...

Честно говоря, жизнь была бы намного проще, если бы я заранее писал главы. Тогда я мог бы составить расписание на неделю и легко придерживаться его, может быть, составить...

Но у меня не так. Я пишу главу, публикую ее, как только закончу, а затем начинаю следующую. Я нахожу, что идеи приходят лучше, когда я, по сути, просто летаю на брюках все время. Не помогает и то, что сюжетные биты, идеи и повороты возникают совершенно случайно...

И да, мы теперь во вселенной Fallout. Я знаю, знаю, мы так долго провели время с Дова-Янг, привязались к ней, и это кажется такой тратой времени, прощаться с ней. Мы оплакиваем потерю Дова-Янг, но не бойтесь! Она вернется, в Ремнант... когда-нибудь. Это определенно было забавно, видеть предположения о том, когда она прибудет. Некоторые даже интересны. Но у меня уже есть планы.

А пока я постараюсь сделать все возможное, чтобы Руби «Роуз» Айронвуд, дочь Джеймса Айронвуда и Саммер Роуз, тоже стала симпатичным персонажем!

...удачи тебе, я. Какая странная пара, Джеймс Айронвуд и Саммер Роуз. Просто, почему...

Кроме того, это был способ для меня исследовать нынешнее душевное состояние Жона. Он снова боролся с невозможными трудностями, и (для него) снова проиграл и умер за это. Это... ну, это всего лишь его вторая «смерть». Ему больно от осознания того, что он снова прощается со всем, что когда-либо знал, но он еще не приблизился к тому, чтобы стать циничным, издерганным или безразличным.

Важно помнить, что эта Руби, будущая Одинокая Странница... она не совсем крутая. Далеко нет, на самом деле. Ее единственный опыт обращения с огнестрельным оружием — это использование пневматического ружья для стрельбы шариками ВВ по гигантским тараканам перед побегом из убежища. Ближе всего к бою она была, когда говорила Бутчу отвалить, когда он издевался над ней и Аматай. Ее дневная работа — управление стиральной машиной (и нет, я тоже не знаю, как она работает. Однако это реальная профессия в игре, и она каким-то образом связана с навыком «Большое Оружие». С другой стороны, татуировщик связан с навыком Маленькое Оружие...). У нее нет ни навыков выживания, ни знаний о том, как выжить в Столичной Пустоши, ни даже припасов, когда она уходит.

Короче говоря, она на месте Жона, но почему-то еще хуже!

Должен сказать, что ее отношения с более опытным Жоном, вероятно, были бы захватывающей динамикой для чтения. Возможно, это было бы похоже на то, как если бы они были напарниками в Биконе (хотя и в обратном порядке): лидер команды Руби учит Жона всему, что знает о том, как сражаться, как быть Охотником, и одновременно пытается понять, как выжить

в неожиданной ситуации самой (еще не ожидая, что присоединится к Бикону). А Жон, в свою очередь, поддерживает ее как лучший напарник, которым он может быть, и как первый друг, опираясь на свой опыт брата и обычного гражданского человека, вместо того чтобы годами тренироваться в борьбе с Гримм. Между тем, эти двое сближаются через общие интересы, через увлечение комиксами и играми, ссорятся из-за школьных проблем...

Жаль, что это не те персонажи, с которыми мы работаем. Кроме того, это пишу я.

И... да. Рейдеры — нехорошие люди. Рейдеры в радиоактивной постапокалиптической пустоши, которые сражаются со всеми — от Когтей Смерти до Рэдскорпионов и Супермутантов? Определенно нехорошие люди. В Столичной Пустоши существует рабовладельческая экономика. Убийства и каннибализм также происходят регулярно, если не сказать больше. Я не буду вдаваться в подробности, поскольку это не пыточное порно, но и не собираюсь делать вид, что этого не существует.

Также, что касается их возраста... Дове-Янг около 18 с половиной, Жону около 18, а Одинокой Странице Руби Роуз только что исполнилось 19, месяц назад. Какие странные миры, где Руби старше Янг...

<http://tl.rulate.ru/book/71357/2017229>